

Содержание

НА ИСПЫТАНИЯХ	5
ФАЗАН	173
РАССКАЗЫ	287
«Скрипка Ротшильда»	289
За проходной	303
Без улыбок	341
Летом в городе	379
Под фонарем	408
Дамский мастер	432
Хозяева жизни	488

На испытаниях

Летнее подмосковное утро только еще начинало просыпаться, потягивалось. Полежавшая за ночь, седая от росы трава потихоньку выпрямлялась, скатывая по усам тяжелые ртутные капли. Деревенскими голосами перекликались петухи. На летном поле неподвижно застыли самолеты, похожие на больших, чем-то озабоченных рыб. Раннее солнце ярко отсвечивало на скошенных крыльях. Тугой прохладный ветер надувал над метеобудкой длинный шахматно-клетчатый «чулок». Ветер был с северо-запада, благоприятный.

У служебного здания на низких скамейках, поставленных буквой «П», расположились люди с чемоданами в ожидании вылета. Опрятный желтый песок площадки, надпись на фанерном щитке «Курить только здесь», урны, сделанные из корпусов авиационных бомб, — все это придавало обстановке деловой, аэродромный характер.

Ответственный за предстоящий полет майор Скворцов, высокий загорелый офицер в полевой форме, узко перехваченный в поясе ремнем, быстрым, озабоченным шагом переходил с места на место и казался поэтому находящимся сразу везде. Стальной нержавеющей зуб сверкал у него во рту. На большом ящике с черной надписью «Не кантовать!» сидел немолодой худощавый генерал, зябко засунув руки в рукава серого плаща с голубыми петлицами. Он как будто спал. По крайней мере, глаза его за стеклами очков были покойно закрыты. Несколько человек хлопотали у багажа. Высокая женщина в брюках, циркулем расставив

длинные ноги, осторожно передвигала ящики с приборами. Ей помогал среднего роста, плотный человек в гражданском, с блестящей коричневой лысиной. Он для чего-то поднимал каждый ящик и, покачивая, подносил к уху. С одним ящиком он замешкался и поднял палец.

— Теткин, в чем дело? — спросила женщина.

— Перекат содержимого, — с видимым удовольствием ответил Теткин. — Недопустимый перека́т содержимого.

— Фу-ты, как пышно, — сказал, прислушавшись, артиллерийский офицер с изможденным лицом и блестящими, неистово-светлыми глазами. — «Перека́т содержимого»! Замечали, как любит казенщина обрастать цветами красноречия? Современный церковнославянский язык! На днях еду по улице и читаю — что бы вы думали? — надпись: «Объезд разрытий»! Каково громахание? Истинный перл канцелярской поэзии. Слог, достойный ТрEDIAковского!

Худошавый генерал приоткрыл один глаз и спросил:

— Кто здесь поминает ТрEDIAковского?

— Я, товарищ генерал.

— А, подполковник Чехардин! Рад вас видеть. Я тут приспнул немного и слышу: голос как будто знакомый и, как всегда, разводит демагогию. Насчет ТрEDIAковского вы зря. Читали вы его? Или так, понаслышке, судите?

— Должен признаться — понаслышке, — ответил Чехардин, скомкал папиросу и сразу же зажег другую. — Не успеваешь как-то следить за современной литературой.

— А напрасно. Надо бы прочесть. А ну-ка, кто из присутствующих читал ТрEDIAковского?

Теткин с готовностью открыл рот и сказал:

— Екатерина, о! поехала в Царское Село...

Генерал сморщился, как от боли.

— Ну, вот. Снова я слышу про эту несчастную «Екатерину, о!». Это апокриф.

— Что, товарищ генерал?

— Апокриф, — повторил генерал. — К вашему сведению, апокрифом называется произведение на библейскую тему, признаваемое недостоверным и церковью отвергае-

мое. Убежден, что никакой «Екатерины, о!» Третьяковский не писал. Это был один из величайших поэтов России! Вот, например... — Генерал нахмурился и, понизив голос, торжественно произнес:

Вонми, о небо, я реку!
Земля да слышит уст глаголы.
Как дождь я словом протеку,
И снидут, как роса к цветку,
Мои вещания на доли...

— А и в самом деле неплохо, — заметил Чехардин.

— «Неплохо»? Замечательно! Какое величие, какая сила! «Вонми, о небо, я реку!» Ну, кто еще из российских поэтов решился бы так, запросто, разговаривать с небом?

— Маяковский, — сказал Чехардин. — «Эй вы, небо!»...

— А? Правда, я и забыл. — Генерал снова закрыл глаза.

Прерванный спор Теткина с длинноногой женщиной возобновился.

— Так вы же сами паковали, — досадливо сказала она, — а придираетесь.

— Самокритика — движущая сила, — ответил Теткин и засмеялся. Засмеявшись, он сразу похорошел. Зубы у него оказались крепкие, крупные, выпуклые, как отборные ореховые ядра. Блестящая приветливая лысина его не старила.

Майор Скворцов подозвал к себе Теткина.

— Кто такая? — спросил он вполголоса, указав подбородком на женщину.

— Это? Лидка Ромнич, наш конструктор. Мировая баба, даром что тощая. А ты разве ее не знаешь?

— Что-то слышал. Из группы Волкорезова, по боевым частям?

— Ага.

— Я думал, Ромнич — мужчина.

— Многие так думают. А как она тебе?

— Больно уж некрасивая.

— А по-моему, ничего. Впрочем, я уже привык.

Из служебного здания вышел высокий вялый летчик в обвисшем комбинезоне. Сковорцов подошел к нему.

— Послушайте, где тут все ваше начальство?

— А что?

— Мы с группой сотрудников и багажом прибыли для специального рейса в Лихаревку. Полетный лист у меня. Вылет назначен на шесть сорок. Почему не дают вылета?

Сковорцов говорил с военным щегольством, подчеркивая официальность и беглость речи. Летчик, не отвечая, уминал табак в трубке.

— Кто командир корабля? — спросил Сковорцов.

— Ну, я, — неохотно ответил летчик.

— Я вас спрашиваю, когда вылет?

— Когда полетим, тогда и полетим.

Сковорцов обозлился:

— Потрудитесь отвечать, как полагается, и назвать себя. Летчик неохотно вытянулся:

— Командир корабля лейтенант Ночкин.

— Так вот, товарищ лейтенант, я вас спрашиваю: почему задерживаете рейс?

Летчик снова обмяк в своем комбинезоне и задумчиво сказал:

— Погоды не дают.

— Ерунда! Я справлялся на метео: погода есть. В чем дело?

Лейтенант Ночкин указал трубкой на Лиду Ромнич:

— Членов семейства на борт не беру. Не имею права.

— Что за бред! Это не член семейства, а конструктор боевых частей. Конструктор Ромнич. Неужели не знаете? Эту женщину во всем Союзе знают.

— Не знаю, — сказал Ночкин. — Все равно — женщина. С женщиной на борту не полечу. Пока не будет специального распоряжения.

— Так она же внесена в полетный лист! Смотрите, под номером пять Ромнич Л.К.

— Мало ли что внесена. В полетный лист и кошку внести можно.

Ночкин стукнул трубкой по колену, отвернулся и пошел к небольшой двустворчатой будке, ярко сверкавшей на солнце свежими буквами «М» и «Ж». Не туда же за ним идти? Скворцов вернулся к ожидающим.

— Что там за задержка? — спросил генерал.

— Командир корабля лейтенант Ночкин отказывается брать женщину на борт.

— А разве с нами женщина?

— В некотором роде. Ромнич, конструктор боевых частей.

— Вот уж истинно сказано, — съязвил Чехардин, — «где кончается порядок, начинается авиация». На вашем месте поставил бы я этого Ночкина по стойке «смирно», по уставу, как положено стоять перед старшим по званию...

— Нет, — возразил Скворцов, — это, знаете, не в духе наших авиационных традиций. Устав уставом, а командир корабля при всех обстоятельствах персона грата. На него словно бы устав не распространяется... Впрочем... Поговорили бы вы с ним, товарищ генерал!

— А я чем могу помочь?

— Все-таки генеральские погоны...

— Ну, ладно уж. Иверскую подняли, — сказал генерал, вставая, и двинулся в сторону будки.

— Эх, авиация! — опять желчно поддразнил Чехардин. — Это даже у Теркина отмечено: «Лишь в согласье все подряд авиацию бранят...»

— К сожалению, на пушке не полетишь.

— Что верно, то верно.

— Вот увидите, генерал Сиверс его уговорит.

Тем временем лейтенант Ночкин уже возвращался из будки. Генерал Сиверс подошел к нему. Ночкин вытянулся, держа трубку у колена.

— Здравия желаю, товарищ генерал.

— Здравствуйте. Если не ошибаюсь, лейтенант Ночкин?

— Так точно, товарищ генерал.

— А это что у вас, лейтенант Ночкин? — спросил генерал Сиверс, указывая тонким, ехидно искривленным пальцем на самолет.

— Самолет, товарищ генерал.

— А, самолет? А я думал — летучий мужской нужник.

— Какой нужник, товарищ генерал?

— Мужской. Знаете? «М» и «Ж». Напрасно вы на дверце своего самолета не изобразили «М». Было бы куда проще.

— Я вас не понимаю, товарищ генерал, — мучаясь, сказал Ночкин. — Это самолет, а не нужник.

— Нет, видимо, зрение вас обманывает, и это именно нужник.

Ночкин стоял, мрачно уставившись в землю.

— Вы шутите, товарищ генерал?

— Что вы, это не я шучу. Это шутка великого математика Давида Гильберта. Слыхали про такого?

— Никак нет, товарищ генерал!

— Ну, вот, — горестно вздохнул Сиверс. — Придется мне заняться вашим образованием. Слушайте. В прошлом столетии знаменитая женщина-математик Эмми Нётер, ранга нашей Софьи Ковалевской... тоже не слыхали?

— Никак нет, товарищ генерал.

— Эх вы! Так вот, когда Эмми Нётер баллотировалась в профессора Геттинггенского университета, ученые мужи вашего типа отклонили ее кандидатуру: она-де женщина, а членом университетского сената женщина быть не может. Узнаете аргументацию, а?

— Так точно, товарищ генерал.

— И тогда великий математик Давид Гильберт, о котором вы никогда не слыхали, что не мешает ему быть великим, задал вопрос председательствующему. — Тут генерал быстро и отчетливо произнес несколько слов по-немецки. — Вы меня поняли, лейтенант Ночкин?

— Никак нет, товарищ генерал. Английский со школы не повторял, подзабыл.

— К вашему сведению, это был не английский, а немецкий, и означало это следующее: «А что, сенат разве баня, что в него нет хода женщинам?» Не правда ли, остроумно?

— Так точно, товарищ генерал.

— Ну, а теперь, вооруженный передовой теорией, я полагаю, вы полетите с женщиной на борту?

— Полечу. Извиняюсь, товарищ генерал.

— Кстати, усвойте, лейтенант Ночкин, поборник патриархата: говорить «извиняюсь» невежливо. Это значит: «извиняю себя», «снимаю с себя вину». Люди воспитанные говорят: «Извините» или «Извините, пожалуйста», а по уставу: «Виноват». Поняли?

— Понял. Извиняюсь, товарищ генерал. Разрешите идти?

— Что ж делать с вами? Идите.

Ночкин лихо повернулся через левое плечо и направился к самолету. Генерал Сиверс вернулся на площадку для курения.

— Ну как, товарищ генерал?

— Все в порядке — полетит. В таких случаях лучше всего поразить воображение.

— Спасибо, выручили, товарищ генерал.

— Не стоит благодарности.

Началась погрузка в самолет. Ящики осторожно вносили по трапу.

— Не кантуй! — орал Теткин. — Я тебе покантую!

Лида Ромнич стояла рядом и с величайшим страданием глядела на ящики. Тут только Скворцов заметил, какие у нее большие серые, какие печальные глаза. И не так уж она дурна, как показалась ему с первого взгляда. Только очень уж худа — до болезненности. На запястье левой руки так и ерзал тонкий ремешок мужских часов. Брюки на ней были смяты под коленками, но и в этих мятых брюках было что-то изящное. Главное, как-то просто стояла она на земле — просто и твердо. «Какая самодовлеющая женщина», — подумал Скворцов.

Пока шла погрузка, летчик Ночкин в рулевой рубке тихо разговаривал со вторым пилотом, младшим лейтенантом Кудрявцевым.

— А генерал-то Сиверс меня как песочил... И по-английски, и по-всякому. Гильберта какого-то приводил, Давида. Ты не знаешь, что за Гильберт?

— Понятия не имею. Давид... Сиверс вообще всякие имена любит. Тяжелый человек. Знаешь, что мне про него Санька Кривцов рассказывал?

— Этот техник с усиками? Фасонщик?

— Ага. Так вот, идет Санька по улице, зимой было дело, на нем, естественно, шапка, и уши от шапки распущены, а не завязаны. Усек? Так вот, идет Санька, а навстречу ему генерал Сиверс. Плясливой такой походкой, даром что генерал. Увидал Саньку и зовет: «Лейтенант! Сюда!» Санька к нему на полусогнутых — подбежал, вытянулся. А генерал обмахнул его легонечко так перчаткой по ушам и спрашивает: «Кто вы? Лейтенант или спаниель?» Санька отупел, говорит: «Я лейтенант, товарищ генерал». А генерал ему: «Вот как? А я думал: спаниель». И пошел себе. Санька стоит как мешком ударенный. Долго переживал.

Второй пилот стоял задумавшись. Потом спросил:

— А кто такой «спаниель»?

— Какой-то иностранный ученый.

— А я думал — собака.

— Я тоже сперва так подумал. Потом соображаю — нет. Намек какой-то в этом слове был.

Ночкин почесал за ухом и сказал:

— Мало еще у нас с этим низкопоклонством борются, Мало. Я бы еще боролся.

Кудрявцев издал согласное ворчание.

2

Самолет, оторвавшись от земли, с натугой набирал высоту. Одна ребристая плоскость круто уходила вверх, другая — вниз. Люди скользили по металлическим сиденьям откидных скамеек. В круглых окошках-иллюминаторах быстро мельчала удаляющаяся земля. Все на ней становилось маленьким, игрушечным, необыкновенно чистым. По сверкающей нитке шоссе божьей коровкой полз красный автобус. Быстро закладывало уши. Плохо закреплен-

ные ящики, вздрагивая, сползали вбок. От громкого рева двигателей все тряслось, вибрировало.

— Экая консервная банка, — заметил Теткин. — Так и дребезжит: дзы, дзы.

— Это же не пассажирская машина, — возразил ему длинношей, длинноногий молодой человек с темными преданными глазами, похожий на мальчика-переростка. — Машина строгая, военная, один металл.

— Эх, Ваня-Маня, а я и не знал! Спасибо надоумил! — засмеялся Теткин.

Ваня Манин работал в седьмом институте и был известен тем, что всегда все всем объяснял. Называли его обычно Ваня-Маня.

— Да, комфортабельной эту машину не назовешь, — солидно сказал пухлый блондин в светло-серой рубашке, похожий на зрелый гриб-дождевик.

— А вы откуда? — дружелюбно спросил Теткин. — Тоже из семерки?

— Нет, я из двадцатого ящика. Инженер Джапаридзе.

— Будем знакомы: Теткин, из КБ Перехватова. А почему вы Джапаридзе?

— Вы имеете в виду мою белокурую внешность? Чисто случайно. Меня отчим усыновил, природный грузин. От рождения я, в сущности, Лютиков, а не Джапаридзе. А как там с условиями?

— Где?

— В этой вашей Лихаревке.

— Ничего. Жить можно.

— Я колбасы твердого копчения захватил.

— Правильно захватили.

Самолет пробил слой облачности и пошел горизонтально. Моторы ревели теперь ровнее, и ящики успокоились.

— Ну как, кончились ваши фокусы с набором высоты? — спросил в пространство генерал Сиверс.

— Так точно, товарищ генерал, — ответил Скворцов.

— Отлично. Теперь можно и соснуть. Спишь — меньше грессишь.

— А мы вам не будем мешать разговорами? — вежливо осведомился Ваня Манин.

— Сделайте одолжение, не стесняйтесь.

Все-таки разговор оборвался.

— Был у меня приятель, Коля Нефедьев, — сказал вдруг генерал Сиверс, не открывая глаз. — Хороший человек, царство небесное, ровно десять лет тому назад погиб — в июле сорок второго. Так вот, Коля очень любил спать и относился к этому делу, можно сказать, профессионально. Называл он это занятие «сидеть на спине» и особенно любил спать под разговоры... Даже стрельба ему не мешала...

Генерал умолк.

— А дальше? — спросил Теткин.

— Дальше ничего. Это я так рассказал. Просто захотелось вспомнить хорошего человека.

Все замолчали.

Самолет теперь шел спокойно, как утюг, время от времени плавно подныривая и опять выравниваясь. Становилось заметно свежо, металлические сиденья холодили. За бортом — минус тридцать пять.

— Один человек эквивалентен ноль целых три десятых секции отопления, — сказал Теткин. — Прошу товарищей дышать.

Майор Скворцов смотрел в окошко. Небесный пейзаж в круглой раме. Ведь сколько он летал, всю жизнь, можно сказать, был при авиации, а все не мог привыкнуть к этой картине, когда самолет летит над облаками, а они освещены солнцем. Край ледяной, фантастический, клубящийся. На горизонте дыбом встают снежные горы. А внизу, под самолетом, облака плавают, как льдины, как шуга на замерзающей воде. Между ними — голубые просветы. А если взглядеться — таинственно в этих просветах становятся видны затянутые дымкой земные подробности: дороги, овраги, леса, поселки.словно все это утонуло и лежит на дне озера.

— Невидимый град Китеж, — сказал над ухом Скворцова подполковник Чехардин.

— Представьте, я сейчас об этом же думал, только не теми словами.

— Что слова? — сказал Чехардин, своими чрезмерно светлыми глазами глядя на облака. — Что можно ими передать, кроме самой элементарной информации? «Идет дождь, человек умер, самолет летит на высоте десять тысяч метров» — такие вещи с грехом пополам словами передаются. А попробуй объясни: что здесь красиво? Почему красиво? Кроме «Ах, как!», ничего не скажешь...

— Я рад, что вам понравилось, — сказал Скворцов, польщенный, словно он был хозяин всем этим облакам. — А вот когда будем к Лихаревке подлетать, вы не пропустите. Такая там красота, что... словом: «Ах, как!» Воды километров на сорок—пятьдесят, и это все изрезано, с рукавами, островами, протоками... Пойма реки Машуган, знаете?

— А я видел, — сказал Чехардин. — Я уже не первый раз.

— Ну и как там в Лихаревке — ничего? — спросил Джапаридзе.

— Вполне ничего, — ответил Скворцов. — Впрочем, вру. Летом ничего, а зимой трудновато. Мороз градусов тридцать, ветер пятнадцать-восемнадцать метров в секунду. Один раз у нас ветром галюн снесло, так называемый туалет. Прихожу утром — будки нет, одни кучи. Ветер такой, что сквозь кирпичную стену продувает, честное слово. Приходишь домой после пурги, а в углах — сугробики.

— Плохое качество строительства, — пояснил Манин.

— А что там есть замечательного? — спросил Джапаридзе.

— Свины, — засмеялся Теткин.

— Да, — поддержал его Чехардин. — Пожалуй, самое замечательное в Лихаревке — это местная порода свиней. Высокие, поджарые, на длинных ногах... Сразу не поймешь, свинья или борзая. Воинственные, боевые свиньи... Дерутся на помойках, визжат, кусаются... Какой-то свиной цирк.

— А их хозяева не кормят, — сказал Теткин. — Там считается, что свинья сама себе найдет пропитание. Вот они и трудоустраиваются — на помойках.

— А съедобные они? — поинтересовался Джапаридзе.

— Относительно, — ответил Сковорцов. — Мясо рыбой воняет. Я-то неприхотлив, для меня любое органическое вещество съедобно, а другие обижаются.

— Братцы, что я вам расскажу по случаю этих свиней, — вмешался Теткин. — Купил я однажды такой свиньи окорок и сильно на нем проиграл. Я тогда ухаживал за одной местной, ничего была женщина, как же ее звали?.. Кажется, Настя.

— Нина, — подсказал Сковорцов.

— Не путай, Нина — это в другой раз. А на этот раз была Настя, я теперь твердо вспомнил. Позвала она меня в гости. Я, конечно, волнуясь. Купил плодоягодного, того-сего, мелкого частника в банке...

— Частика, — поправил Манин.

— Ну, все равно — частика. И, как последний аккорд, решил ее поразить — взял на рынке целый свиной окорок. Иду к ней нагруженный. Вручаю окорок: «Зажарь, Настенька». От великодушия еле жив. А она даже не порази-лась. Понюхала. «Так и есть — рыбой воняет». Представляете? Я до того разочаровался, что взял плодоягодное и ушел. Так ничего у нас и не вышло.

— А отчего они рыбой пахнут? — спросил Манин.

— А черт их знает. Может, они сами рыбу в реке ловят. С них станется. Такие свиньи на все способны.

Джапаридзе слегка порозовел и, стесняясь, спросил:

— А как там в области напитков?

— В этой области как раз неважно, — ответил Сковорцов. — В городке, сами понимаете, продажа запрещена, а в самой Лихаревке — одно плодоягодное, вино в высшей степени не вдохновляющее. Кстати, неудачи Теткина в любви надо на восемьдесят процентов отнести за счет плодоягодного. Выпив такого вина, женщина...

— Оставь свои пошлые намеки, — сказал Теткин. — Для тебя нет ничего святого.

Скворцов не слушал:

— А вам, товарищ Джапаридзе, раз уж вы едете в Лихаревку и интересуетесь напитками, вам надо знать, что такое Ноев ковчег.

— А что это?

— Ноевым ковчегом там называют забегаловку, которой заведует некий Ной Шошиа, личность в своем роде замечательная. У Ноя всегда можно достать и водку, и коньяк, и пиво, если только он вас полюбит. Я думаю, что за одну фамилию он всегда обеспечит напитками вас — и нас заодно.

— Моя фамилия только номинально грузинская...

— Ну, тогда вам придется победить Ноя с помощью личного обаяния.

Джапаридзе задумался, словно усомнившись в своем личном обаянии.

В самолете становилось все холоднее. Пар дыхания облачком окружал каждый говорящий рот. То один, то другой из пассажиров вставал и, пытаясь согреться, топал ногами и бил в ладоши. Джапаридзе открыл чемодан и застенчиво облачился в мохнатый свитер.

— В предусмотрительности нет ничего плохого, — пояснил Манин. У него самого отчетливо посинел нос и темные влажные глаза смотрели очень уж по-собачьи.

— А как же наш генерал спит в такой холодине? — вполголоса спросил Теткин.

— Я спал, — сказал Сиверс, — но теперь, по милости вашей, проснулся.

— Вам же холодно, товарищ генерал.

— Мне не холодно. Мне никогда не бывает холодно. Как, впрочем, и жарко. Ваше замечание напоминает мне, как однажды моя маменька — шнырливая старушка, даром что ей восемьдесят годов — разбудила меня и спросила: «Саша, как ты можешь спать, ведь тебе мухи мешают?»

Кругом засмеялись. Подошла Лида Ромнич, растирая замерзшие руки. Она была правильного синего цвета и узко вжалась в свою короткую курточку.